СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ УКРАИНСКОГО СОЦИУМА

Кондратьева Н.А.

старший преподаватель кафедры политологии Института проблем информационного общества,
Одесская национальная академия связи им.А.С. Попова (Украина),
65029, Украина, Одесса, ул. Кузнечная, д. 1, egosyper@ukr.net

УДК 323(477)
ББК 66.2(2Укр)

Цель. Обосновать значимость анализа социальной идентичности в контексте модернизации украинского общества для выработки стратегий реализации социальной политики

Методы. В основу исследования легли методы анализа, синтеза и моделирования на основе функционального и системного подходов.

Научная новизна и результаты. Исследование социальной идентичности является важным аспектом постижения, переосмысления и прогнозирования современных социальных процессов, с одной стороны, и, с другой стороны, основанием для разработки конкретных задач и программ социальной политики, учитывающих специфику не только доминирующего общественного сознания, но и социальной реальности в данный период времени.

Ключевые слова: социальная идентичность, общественное сознание, модернизация, аномия.

Kondratieva N.A.
SOCIAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE MODERNIZATION OF UKRAINIAN SOCIETY

Goal. Justify the relevance of social identity in the context of the modernization of the Ukrainian society to formulate strategies for the implementation of the social policy

Methods. The study on methods of analysis, synthesis and simulation based on functional and systems approaches.

Scientific innovation and results. Study of social identity is an important aspect of cognition, rethinking and prediction of contemporary social processes, on the one hand, and, on the other hand, the basis for the development of specific objectives and programmes of social policies that take into account not only the specifics of the dominant social consciousness, but also social reality in a given period of time.

Key words: social identity, social consciousness, modernization, anomie.

В современном обществе проблемы соотношения глобального и локального оказались в фокусе социального анализа. Всеобъемлющий процесс глобализации заставил человечество задуматься над перспективами согласования глобальных, национальных, региональных, корпоративных, локальных интересов и ценностей. Взаимодействие глобального с локальным происходит не только на фоне ко нкретных территорий, но в пределах пространств – административного, правового, информационного, культурного, интеллектуального и других.

Все эти факторы влияют непосредственно не только на государства и территории, но и на каждого индивидуально, имея свое отражение в поведенческих стратегиях, ценностных ориентаций, мотивациях, стилях жизни, идентификационных практиках.

В настоящее время система общественных отношений претерпевает значительные изменения в связи с характерной неоднородностью развития современного украинского общества, выраженной дроблением идентификационных практик в массовых масштабах. В результате чего, украинское общество разделено множественными идентификационными границами, ориентированными на региональное, конфессиональное, имущественное, этническое, семейное, профессиональное и др. направления.

Практическая значимость рассматриваемой проблемы, связана с формированием идентично-

© Кондратьева Н.А., 2014

сти у нового поколения, входящего в общественную жизнь, учитывая потерю идентификационных ориентиров, характерных для других поколений и поиском механизмов патриотизма и гражданственности, ответственности и инноваций, и конкурентоспособности в масштабах не только национально-гражданственных, но и глобализационных. Особую актуальность данной проблеме придает социальная ситуация, сложившаяся в Украине, где изменения создают противоречия в самосознании, как у каждого конкретного индивида, так и у целых групп или поколений. Вследствие чего, происходят изменения в массовом сознании, социальном самочувствии, в соотнесении себя к определенным социальным категориям.

Цель данной статьи – обосновать значимость анализа социальной идентичности в контексте модернизации украинского общества, для выработки стратегий реализации социальной политики.

Большинство людей работоспособного возраста в Украине пережили смену политического, социально-экономического строя, произошли изменения представлений о месте государства в мировом сообществе, что накладывает отпечаток на социальные, политические и экономические процессы, в том числе - развитие территорий, и как следствие - на идентификацию. Для новых поколений, родившихся уже в независимом украинском государстве, процессы социальной идентификации протекают иначе. Для Украины данная постановка проблемы о восприятии изменений и перестройке самого себя обладает не только актуально значимым компонентом, но и затруднительно для понимания сложных связей реструктурирования, так как решать ее приходится в условиях тотальной трансформации общества, продолжающейся уже более двух десятилетий. Более того трансформации коснулись устоев и законов сфер материальной и духовной жизни и всех слоев населения, в независимости от социального статуса, происхождения, вероисповедания или возраста.

«Какой бы набор терминов для описания современной социальной ситуации в Украине не избрать (примерами тут могут быть наборы, группирующиеся вокруг центральных понятий типа «социальные изменения», «радикальные общественные трансформации», «кризис» или даже «катастрофа»), в фокусе подобного описания будет в принципе одно: происходящее с социальной структурой общества в целом и ее отдельными элементами, то есть состояние и динамика процессов дифференциации и стратификации» [1, с. 4]. С оценкой ситуации в Украине, сделанной С.А. Макеевым, можно согласиться, но также можно утверждать, что данные модификации всех сфер украинского социума привели не только к кризису определенных конфигураций социальных идентичностей, но и к развитию новых идентичностей, поскольку измененное сознание диктует иные стратегии жизни, иные принципы самоопределения всей самобытности и мировосприятия в целом. «Более того, именно в периоды перехода от одной исторической системы к другой (природу которой мы не можем знать заранее) – отмечает И. Валлерстайн - эта борьба приобретает наибольшее значение. Или, другими словами, только в такие переходные периоды то, что мы называем свободной волей, превозмогает давление существующей системы, стремящейся к восстановлению равновесия. Таким образом, фундаментальные изменения возможны, хотя и никогда не предопределены, и это взывает к моральной ответственности, побуждая нас действовать рационально, с честными намерениями и решимостью найти более совершенную историческую систему. Мы не можем знать, какой будет ее структура, но можем определить критерии, позволяющие назвать историческую систему сущностно рациональной» [2, с. 8].

Былое первенство государство - держава - нация утратило свою уникальность и значимость, как носителя легитимной политической власти для подавляющей части населения Украины. Данная ситуация в украинском государстве характеризовалась распадом устоявшихся норм, регулирующих социальное взаимодействие как на государственном уровне, так и на индивидуальном. «Постсоветская идентичность, потрясенная развалом великой державы, лишившись каких-либо устойчивых идеологических подпорок, не понимая, что происходит вокруг, силится заново обрести саму себя» [3, с. 38]. Но хотелось бы акцентировать внимание на временном периоде, - после распада великой державы прошло уже около четверти столетия, а ситуация в политической, экономической, культурной сферах практически не претерпела никаких существенных изменений. Согласно Р. Мертону, по мере развития этого процесса интеграция общества ослабевает и развивается аномия [4]. Оценивая события, развертывающиеся в период от начала 90-х и до сегодняшних дней, можно сказать, что они характеризовались различной степенью девиации и кризисом, что, с одной стороны, определяется тем, что человек лишен устойчивых ориентиров, то, что раньше было неизменным, трансформируется, меняет свое положение во времени и пространстве, а с другой - на личность накладывается ответственность за конструирование данной реальности и поиск соответствующих ориентиров, которые характеризовались бы стабильными качествами, социальной значимостью и индивидуальной заданностью.

Р. Мертон, исследуя принципы развития общества, выделяет определяемые культурой цели и институциональные средства их достижения. Т.е. общество само регулирует цели, либо степень достижения

данной цели, таким способом, при «стабильной» нестабильности цель так и ее реализация определяется в большей мере на индивидуальном уровне и ведет к дисбалансу. «Прежде чем коснуться способов влияния социальной структуры на выбор индивидом того или иного поведения, заметим, что люди могут переходить от одной альтернативы к другой по мере того, как они вовлекаются в различные виды социальной деятельности. Эти категории относятся к ролевому поведению в специфических ситуациях, а не к личности в целом» [4]. Культура является источником господствующих представлений об успехе и тем самым мотивирует людей к определенному поведению, направленному на достижение этого успеха и соответствующих ему статусных позиций. Социальная структура представлена в этой схеме институционально закрепленными нормами человеческих взаимоотношений, которые полагаются допустимыми в данном обществе [5, с.44]. В нашей стране именно аномия, скорее всего, определяет все индивидуальное сознание и идентификацию населения, которое характеризуется противоречием между поставленными целями и степенью их реализации, интеграция с социальными институтами приводит к их же отрицанию и разложением тех или иных ценностей системы. В данном случае теряется балансирующая связь между индивидом и обществом, утрачивается эффективность и приоритетность социального закона и государственного порядка. В этом случае, по Р. Мертону – «первоначальные цели забыты и ритуалистическая приверженность к институционально предписанному поведению принимает характер подлинной одержимости». Р. Мертон считал, что аномия «взывается к жизни» именно принятыми в обществе общепризнанными культурными ценностями и, в свою очередь, сопряжена с различным доступом к возможностям институционально допустимых средств достижения обусловленных культурой целей [6].

Современное состояние Н. Шульга обозначил как «кризис общества» - обозначает момент, когда модель функционирования общества дает серьезные сбои, ведущие к разрушению всей системы, когда невозможно воспроизводства социальной системы на прежних принципах, когда разрушается устоявшаяся организация жизни общества. Кризис может проявляться и как системный, и как частичный - кризис отдельных подсистем. Частичные кризиса существенно влияют на состояние всей общественной системы, но далеко не всегда ведет к ее расширению [7, с.8]. Специфической чертой проявления мирового социально-экономического кризиса в Украине является то, что он наложился на затяжной системный кризис украинского общества [6]. Нестабильное общество характеризуется неожиданными, резкими, быстрыми и непредсказуемыми изменениями социальной среды. И происходит это на фоне уменьшения индивидуального жизненного ресурса и разрушения систем социальной регуляции поведения. Люди вынуждены готовить себя к непредвиденному, к наибольшему числу возможных вариантов. Тут не действует и не может действовать логика рациональной выработки решений [8]. В соответствии с вышесказанным, в Украине «кризис» является весьма «стабильным» феноменом и судя по фактам постсоветского и постперестроечного периода степень «кризисности» стало соотноситься с повседневностью. Вместе с тем, за период 90-2000 гг. стали проявляться реальные предпосылки преодоления последствий распада СССР. Катализатором позитивных перемен стало получение независимости. Благодаря этому удалось создать хотя и не столь эффективные, но новые экономические, политические, социальные, культурные структуры, построить основы правового государства и гражданского общества. Споры о советском прошлом, результатах реформирования настоящего и смутного будущем постоянно актуализируют проблему легитимных гражданских и национальных ценностей, которые, в свою очередь, и определяют основу социальной идентичности. В посттоталитарном обществе конфликтность интересов и конфликтность социальных идентичностей усиливается из-за обостренного чувства несходства и противоборства групповых интересов, но с другой стороны, социальная идентичность ослабевает в силу той же неопределенности.

В.Г. Федотова, анализируя современную ситуацию, приходит к выводу, что модернизация предполагает существенное изменение идентичности и сама основана на этом изменении. Более того, одна из основных проблем модернизации - это проблема изменения прежней и формирования новой идентичности. По словам В.Г. Федотовой, «процесс модернизации можно рассматривать как процесс создания новых институтов и отношений, ценностей и норм, который требует определенного изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности» http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm - _ftn9[9http://spkurdyumov.narod.ru/pantin.htm - _ftnref9].

В современных условиях происходит трансформация условий социального развития, с одной стороны это результат глобализации и информатизации, с другой – интеграции. Как утверждает Э. Гидденс, «Глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях. Большинство людей считает, что глобализация – это когда полномочия и влияние просто «выхватываются» из рук местных сообществ и государств и переносится на международный уровень. Действительно, одно из ее последствий состоит именно в этом. Суверенные государства утра-

чивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к противоположному результату. Она «тянет одеяло» не только вверх, но и вниз, порождая новые требования об автономии на местах… Глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира» [10, с.29-30]. В условия глобализации переоцениваются не только все формы идентификационных практик (гендерная, профессиональная, религиозная, региональная, семейная и т.д.), но и изменяются личностные жизненно-необходимые ценностные ориентации, что приводит к искажению системы правил и приоритетов при выборе принятых данной культурной средой норм поведения для вхождения в социальные группы, сообщества, институты.

Как отмечают У. Томас и Ф. Знанецкий, «общество изначально не представлено как взаимодействие среды и индивида. В социуме соприкасаются две системы, одна из которых вынуждена приспосабливаться» [11, с. 57]. Гармоничное построение зависимости «личность – общество» возможно лишь в процессе удовлетворения потребностей, интересов, мотивов и ожиданий личности в конкретном обществе, а также при четком следовании личностью норм и ценностей, образцов культуры, выступающих в качестве обязательных требований, предъявляемых обществом к человеческому поведению.

По мнению Нагорной Л.П. [12, с.51], понятие идентичность не является именно тем термином, который лучше всего передает ощущение причастности, принадлежности, родства индивида или группы с близким ему кругом идей, институций, ценностей... Суждение автора базируется на том, что в самом феномене идентичности имманентно заложена двойственность: в душе каждого человека, в группе, в социуме идет постоянное соревнование наставлений на защиту собственного жизненного пространства от посторонних вмешательств и на вхождение в состав какого-то коллектива по принципу духовного родства. Эта двойственность делает идентификацию процессом «борьбы за целостность сознания», а саму идентичность органично вводит в кризисный контекст.

Феномен социальной идентичности требует к себе соответствующего внимания, понимания и исследования в силу того, что в процессе столь быстротечных преобразований сам факт устойчивости и уникальности индивидуального опыта и социальной памяти личности чаще всего сопоставляются с кризисом самоопределения и самореализации индивида в социальной реальности. В условиях быстро меняющегося социума личность просто не может не «самообновляться», и это не катастрофа, а закономерный социальный процесс, которому соответствует новая приоритеты времени и самой жизни. Выше говорилось, что эти глобальные сдвиги происходят во всем мире, но в Украине они протекают значительно труднее. Что касается идентичности, то если раньше проблема идентичности сводилась к тому, чтобы построить и затем охранять и поддерживать собственную целостность, то в современном мире не менее важно избежать устойчивой фиксации на какой-то одной идентичности и сохранить свободу выбора и открытость новому опыту. По мнению В.А. Ядова: «Собственно кризисной идентичностью разумно считать состояние людей, не способных в силу разных причин (в том числе, и вследствие психологический ригидности) адаптироваться к меняющимся условиям жизни. В широком же смысле наступает эпоха нормализации неустойчивых социально-идентификационных состояний личности. И процесс этот следует не драматизировать, а принимать как социальный факт» [13, с. 16].

«…Идентичность есть социально обусловленной, изменяется вместе с социальными условиями и потому испытывает трансформации. Это будет служить основой для обоснования выводу о том, что, изменив социальные условия формирования идентичности можно изменить идентичность» [14, стр.8]. Так, в ситуации современной украинской реальности «переходного общества» индивид не может с уверенностью определить свое местоположение в системе социальных отношений, поэтому идентичность становится чем-то вроде социального ориентира в пространстве.

В своей работе Н. Шульга анализирует изменения идентичностей через призму общественного строя, где на современном этапе социум развивается по линии возрастания автономии личности, ее суверенности и сокращения степени выраженности типовых групповых признаков. По мере роста образованности населения, усиления вертикального социального лифтирования, система общественных связей личности в классовом, в групповом социальном пространстве существенно изменилась, приобрела разнообразный, диверсифицированный в классовом отношении характер, и, таким образом, система социальных связей личности стала более сложной, социально многоуровневой. Личность одновременно принадлежит ко все большему числу социальных групп и обретает все больше и больше социальных ролей [15, с.101]. Это и определяет многогранность идентификационных сфер, которые использует личность.

Обобщая все сказанное выше, можно дать следующую достаточно общую дефиницию. Идентификация определяется следующим образом, во-первых, в широком значении, как механизм непрерывного развития личности в определенно заданном направлении под влиянием как стихийно складывающих факторов, так и организованного воздействия со стороны референтных групп или сообществ; во-вторых, в более

узком смысле, идентификация выступает в качестве свойства социального взаимодействия направленного на внедрение, восстановление, закрепление и узаконение идеалов, оценок, ценностей, жизненных целей и стратегий на индивидуальном, локальном, региональном, государственном и национальном уровнях.

Необходимо учитывать, тот фактор, что процессы идентификации проходят в определенном историческом времени и пространстве. На самом деле, социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей… Структура социального пространства проявляется, таким образом, в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру [14, с. 50]. Идентификация создает новые предпосылки для измерения и ощущения времени и пространства, при этом время используется для преодоления трудностей, возникающих в процессе социализации, ресоциализации и идентификации, а пространство дает возможность оценивать и измерить ту или иную идентичность. Если объективные отношения сил стремятся воспроизвести себя в том видении социального мира, которое постоянно включено в эти отношения, то, значит, принципы, структурирующие это видение мира, коренятся в объективных структурах социального мира, а отношения силы также представлены в сознании в форме категорий восприятия этих отношений [14, с. 23].

Таким образом, множественность и многогранность идентификационных процессов непосредственно порождает сложную систему связей индивида или группы с социальной средой, в некой степени вне зависимости от реальных оценок и образцов, так как само общество диктует степень включения в те или иные группы по средствам определенных агентов либо правил, а социальное воображение содействует в данном случае интерпретации индивидом иерархизации всей совокупности своих ролей и статусных позиций

Разностороннее изучение процесса идентификации, понимание механизмов формирования идентификационных практик на современном этапе, влияние их на взаимодействие индивидов или групп и последствия, вызванные данными действиями, дает возможность не только сформулировать более конкретную теоретико-методологическую базу для анализа, происходящего в украинском обществе, но и предоставить конкретные предложения, по преобразованию мировоззрения и тезариуса новых поколений, входящих в общественную жизнь. Возможность не только фиксации, но и управления идентификационными процессами, является приоритетной задачей, как на региональном, так и на общегосударственном уровне. Общественное сознание, социальное самочувствие, гражданская позиция и политическая активность граждан зависят от стабильности идентификационных ориентиров. Учитывая, что идентичность формирует характер внутригруппового и межгруппового взаимодействия, важно реально обеспечивать и подчеркивать в социальной политике значимость тех или иных групп в обществе. Это в свою очередь дает возможность в выработки стратегий развития и последовательной реализации государственных программ, направленных на консолидацию украинского общества, с учетом особенностей регионов Украины. Исследование закономерностей идентификационных практик позволит моделировать процессы, происходящие в обществе, управлять напряженностями в конкретных регионах и разрабатывать конкретные управленческие Идентичность будет выступать в качестве базиса инструментария данных программ.

Значимость в понимании и интерпретации идентификационных процессов и их рефлексия позволит повысить не только гражданскую культуру населения, но и статус института власти, как на местном уровне, так и на государственном.

Литература:

1. Социальные идентификации и идентичности / С.А. Макеев, С.Н. Оксамитная, Е.В. Швачко. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1996. 185 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века [Пер, с англ. под ред. В.И. Иноземцева]. М.: Логос, 2004. 368 с.
3. Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 764 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) [Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий]. М.: Издательство «Прогресс», 1966. С. 299-313.
5. Бевзенко Л. Стили жизни переходного общества. К.: Институт социологии НАН Украины, 2008. 144 с.
6. Аномия [электронный ресурс]. URL: http://mirslovarei.com/content_fil/anomija-12977.html6н7 (дата

обращения 13.02.2014)
7. Криза в Україні: зони ураження.погляд соціологів / М.О. Шульга (ред), А.О. Зоткін, О.Г Злобіна, О.С Резнік., Н.Л. Бойко, М.А. Паращевін. К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2010. 104 с.
8. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
9. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация // Мегатренды мирового развития. Москва, 2001. 91 с.
10. Гидденс Э. Ускользающий мир: каск глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.
11. Баразгова Е.С. Американская социология. Традиции и современность. Бишкек. «Одиссей», 1997. 175 с.
12. Нагорна Л.П. Соціокультурна ідентичність: пастки ціннісних розмежувань. К., ІПіЕНД ім. І.Ф. Курсака НАН України, 2011. 272 с.
13. Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения // Материалы Всероссийского научно-методического семинара / Под ред. О.А. Оберемко и Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. 303 с.
14. Пелагеша Н. «Україна у смислових війнах постмодерну: трансформація української національної ідентичності в умовах глобалізації». К.: НІСД, 2008. 288 с.
15. Шульга М.О. Дрейф на узбіччя. Двадцять років суспільних змін в Україні. К.: ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. 448 с.
16. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. [отв. ред. перевода Н.А. Шматко]. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2006. 288 с

References:

1. Social identification and identity / S.A. Makeev, S.N. Oksamitnaya, E.V. Shvachko. Kyiv: Institute of sociology of NAS Ukraine, 1996. 185 p.
2. Wallerstein I. The end of the world as we know it: social science for the twenty-first century [Transl. from English ed. by V.I.]. M.: Logos, 2004. 368 p.
3. Guboglo M.N. Identification of identity: ethnosociological essays. Institute of ethnology and anthropology. N.N. Mikloukho-Macklay. M.: Nauka, 2003. 764 p.
4. Merton R. Social structure and anomie // Sociology of Crime (Modern bourgeois theories) [Translated from French by E.A. Samarskaya. Translation editor M.N. Gretskyi]. M.: "Progress" Publ., 1966. P. 299-313.
5. Bevzenko L. Lifestyles of a transitional society. K.: Institute of Sociology of NAS Ukraine, 2008. 144 p.
6. Anomie [e-resource]. URL: http://mirslovarei.com/content_fil/anomija-12977.html6н7 (access date 13.02.2014)
7. Crisis in Ukraine: the zone urazhennya pohlyad of sociologists / M.O. Shulga (ed), A. O. Zotkin, O.G. Zlobina, O.S. Reznik., N.L. Boyko, M.A. Parashchevin. K.: LLC "Printing "Biznespoligraf ", 2010. 104 p.
8. Sociology in Russia / Ed. by V.A. Yadov. 2nd ed., rev. and suppl. M.: Institute of Sociology, 1998. 696 p.
9. V. Fedotova Modernization and globalization // Megatrends of world development. Moscow, 2001. 91 p.
10. Giddens A. Runaway worlds. How globalization is reshaping our lives / Transl. from English. M.: "Ves' mir" publ., 2004. 120 p.
11. Barazgova E.S. American sociology. Tradition and modernity. Bishkek. "Odyssey", 1997. 175 p.
12. Nagorna L.P. Socio-cultural identity: pitfalls of value distinction. K., IPiEND aft. I.F. Kursak NAS of Ukraine, 2011. 272 p.
13. Social identity: the conceptualization and measurement // Proceedings of the All-Russian scientific-methodical seminar / Ed. O.A. Oberemko and L.N. Ozhigova. Krasnodar. Kuban state. Un-ty, 2004. 303 p.
14. Pelahesha N. "Ukraine in the wars of the post-modern times: transformation of Ukrainian national identity in the context of globalization." K.: NISS, 2008. 288 p.
15. Shulga M.O. The drift to the sidelines. Twenty years of social change in Ukraine. K.: LLC "Printing" Biznespoligraf ", 2011. 448 p.
16. Bourdieu P. Sociologie de l'espace social / Transl. from French. [Resp. ed. N.A. Shmatko]. M.: Institute of Experimental Sociology. SPb.: Aletheia, 2006. 288 p.